

Ночная жизнь в баре бурлила.

Гремела оглушительная музыка, в полумраке переливались неоновые огни, а мужчины и женщины самозабвенно извивались на танцполе, отдаваясь дикому ритму.

Ци Лэ лежал на диване, покрасневшегося, с расфокусированным взглядом, а его мысли витали где-то далеко.

Инь Юй хлопнул пухляка по плечу:

— Эй, дружище, ты настоящий друг.

Пухляк скривился в сочувственной гримасе:

— Сначала даю тебе насладиться. Только не забудь записать видео.

Инь Юй нетерпеливо отмахнулся:

— Ладно-ладно, он теперь всё-таки мой парень.

— Ты что, и впрямь решил притворяться до конца? — вытаращил глаза пухляк.

Инь Юй холодно усмехнулся в ответ:

— Тоже мне мерзость. — Он ведь не был настоящим геем.

Пухляк посмотрел на бесчувственного от алкоголя Ци Лэ. Младший господин из семьи Ци славился своим деспотичным и вздорным нравом, так что сегодня бедняге явно придется несладко.

Вспомнив вспыльчивый характер Инь Юя, пухляк испугался, как бы его не задело по касательной, и, покачав головой, поспешно ретировался.

Как только пухляк ушел, Инь Юй подсел к Ци Лэ.

У Ци Лэ были загнутые вверх густые респы, детское лицо, белая кожа и длинные ноги. Сейчас, захмелев, он послушно свернулся калачиком на диване, закрыв глаза и мирно посапывая.

Инь Юй легко огладил большим пальцем его алые губы, и Ци Лэ во сне бессознательно облизал их. Инь Юй почувствовал, как по спине к голове пробежал разряд тока, и по всему телу мгновенно побежали мурашки.

Вытерев палец салфеткой, он, поддавшись внезапному порыву, снова поднес руку к его рту. Ци

Лэ, похоже, принял его палец за еду и даже начал легонько посасывать.

Стоило признать, личико у него было поистине красивым. Инь Юй тихо вздохнул и принялся разглядывать его выражение лица.

Ресницы Ци Лэ были не только загнутыми, но и густыми, длинными — словно маленькие щеточки, бросающие тень на нижние веки, а кожа была нежной и гладкой, как у младенца.

Лицо поистине утонченное, а когда он тихо спит — даже не вызывает раздражения. Инь Юй вовсе не любил мужчин, но это не значит, что он с ними не развлекался.

Открыто приведя Ци Лэ домой, он едва переступил порог, как принялся стягивать с него одежду.

Отец был в отъездах, дома отсутствовал, а экономка, даже если бы и увидела, не посмела бы пикнуть.

К тому же ему хотелось острых ощущений.

Раздевая его в темноте по дороге в гостиную, Инь Юй уже оставил на Ци Лэ лишь одни трусы и только собрался наклониться, чтобы поцеловать это соблазнительное тело, как в гостиной внезапно зажглись огни.

Что ты делаешь?

Грозный голос, не повышающий тона, раздался за спиной. Инь Юй вздрогнул от испуга, оглянулся и увидел мрачное лицо отца, чей взгляд был остр, как клинок.

Папа... Т-ты почему дома? Разве ты не говорил, что уедешь в командировку на неделю? — в душе Инь Юя зашевелилось недоумение.

Инь Шицзянь посмотрел ему за спину, хмуря брови.

Хоть лица толком было не разглядеть, разбросанная по полу одежда и перепуганный вид сына красноречиво говорили о том, что тот творит безобразия прямо в отцовском доме.

А что бы ты делал, если бы меня не было дома? — он знал, что его сын пользуется дурной славой за пределами дома, но никак не ожидал, что тот осмелится притащить кого-то сюда.

От мужчины веяло холодом. Инь Юй поджал губы, не смея поднять голову, страшно боясь, что стоит ему это сделать, как этот свирепый взгляд снесет ему голову с плеч.

С малых лет его баловали, и изнеженность, порожденная вседозволенностью, сделала его совершенно необузданным. Но на каждого хитреца найдется свой упрасиватель: каким бы заносчивым и властным он ни был, отца он боялся.

Инь Шицзянь шагнул к нему и, заметив человека на диване, на мгновение замер. А затем взмахнул рукой, и пощечина безжалостно обрушилась на лицо сына.

По щеке разлилась жгучая боль. Инь Юй был оглушен ударом, вытаращив глаза в полном неверии.

Отец отроду не поднимал на него руку.

Голос Инь Шицзяня сквозил едва сдерживаемым гневом:

Забирай свои вещи и убирайся из этого дома. Вернешься только тогда, когда научишься быть человеком.

Едва слова затихли, Инь Юй смахнул со стола стеклянный стакан и бросил: Я больше никогда сюда не вернусь! — после чего выбежал вон.

Услышав глухой стук захлопнутой с силой двери, Инь Шицзянь нахмурился, на его лице застыл гнев.

Спустя долгое время он снова перевел взгляд на человека на диване, и выражение его лица вновь стало привычно-холодным.

Казалось, тот человек очнулся.

Ци Лэ проснулся от звона разбитого стекла. Из-за выпитого алкоголя голова все еще гудела, а глаза с трудом удавалось приоткрыть лишь на узкую щелочку. Пробыв в тумане еще какое-то время, он наконец разглядел силуэт человека, нависшего над ним.— Инь Юй...□

Проснувшись, Ци Ле обнаружил, что его парень как будто немного постарел.

Я сам его отец.

Сон у Ци Ле слетел в один миг, но затем он заметил, что совершенно гол.

Инь Шицзянь увидел, что тот широко открыл глаза, и решил, что парень испугался. Он уже собирался извиниться перед ним за сына, как вдруг тот внезапно вцепился в его брюки и с недовольным, размягчившимся голосом протянул: — Инь Юй, я уже разделся, почему ты всё еще в одежде?

Ци Ле был крайне недоволен: почему только он остался голышом?

Это несправедливо!

Он протянул руку, собираясь расстегнуть ремень Инь Шицзяня. Когда пальцы коснулись прохладной металлической пряжки, Ци Ле прищурился и принялся внимательно разглядывать узор на ней.

Инь Шицзянь хотел оттолкнуть его, но Ци Ле крепко обнимал его — стоило пошевелиться, и парень наверняка рухнул бы прямо на пол. А на полу валялись осколки стекла, которые сын только что разбил.

Поэтому он замер в прежней позе. Из чистого любопытства он сверху вниз разглядывал Ци Ле,

гадая, что же этот человек вытворяет.

В этот момент Ци Ле стоял на коленях на диване, в упор глядя на его ремень, и, склонив голову набок, о чем-то размышлял. С точки зрения Инь Шицзяня, смотревшего сверху, были видны лишь трепещущие ресницы Ци Ле, аккуратный кончик носа и ярко-красные губы.

К тому же этот человек был совершенно голым.

С этого ракурса из носа вполне мог хлынуть фонтан крови, да и картина в целом пробуждала самые вольные фантазии.

Однако Инь Шицзянь, будучи мужчиной в возрасте и хранящим обет чистоты, в отличие от подростка Инь Юя, у которого в голове крутились одни глупости, сейчас испытывал к действиям Ци Ле лишь чистое любопытство.

Но он никак не ожидал, что Ци Ле вдруг расхохочется: — Чего ты такой старомодный, такой ремень твой папаша носит, ха-ха!

Я и есть его отец. — Инь Шицзянь нахмурился.

Глядя на продолжающего бестолково веселиться парня, он почувствовал, как воздух вокруг пропитался резким запахом алкоголя — оставалось только гадать, сколько же этот человек выпил.

Инь Шицзянь решил сначала уложить его спать, подхватил Ци Ле на руки и понес в гостевую комнату на втором этаже, думая, что завтра как следует перед ним извинится.

Но от парня разило спиртным настолько сильно, что пришлось нести его в ванную и как следует вымыть.

Когда мужчина подхватил его на руки, Ци Ле слегка растерялся: в его воспоминаниях Инь Юй никогда не был нежным, да и такого чувства абсолютной безопасности, как сейчас, от него исходило.

Стоя в довольно просторной ванной, он крепко обнял Инь Шицзяня за шею: — А... ты наконец-то соизволил меня обнять! — В его голосе сквозило скрытое возбуждение. Но тут же он почувствовал легкое разочарование: неужели это всё-таки сон?

Инь Юй никогда прежде не был с ним так нежен. Казалось, еще до начала их отношений он испытывал к нему глубокое отвращение, но вчера Инь Юй неожиданно признался ему в любви.

Ци Лэ любил Инь Юя уже два года и никак не ожидал, что тот ответит взаимностью, поэтому они и начали встречаться. Он никак не думал, что сегодня события будут развиваться с такой головокружительной скоростью, и в душе его слегка нарастало напряжение.

Инь Шицзянь, слушая столь бесстыдные слова, мысленно позавидовал беззаботной молодости и одновременно поставил своему сыну жирный минус на будущее.

Ни о чем не подозревающий Ци Лэ все еще думал, что перед ним Инь Юй, и снова потянулся к ремню Инь Шицзяня:

— Так не пойдет, ты должен раздеться!

Инь Шицзянь внезапно заинтересовался происходящим и с улыбкой поддразнил его:

— Какую еще одежду снять?

— Ну, эту самую... — покраснев, Ци Лэ поднял на него взгляд, удивленно выдохнул, обеими руками обхватил лицо Инь Шицзяня и принялся рассматривать его со всех сторон. Его личико сморщилось, и он озадаченно пробормотал себе под нос: — Значит, мне все-таки снится сон?

Инь Шицзянь с трудом сдержал смех:

— Никакой не сон.

— Тогда я что, попал в другой мир? — почему этот парень выглядит таким старым...

Поглаживая лицо Инь Шицзяня, Ци Лэ был полностью поглощен мыслями о перемещении во времени и пространстве:

— Какой сейчас год? Инь Шицзянь беспомощно ответил:

— Сегодня третье февраля двенадцатого года.

Ци Ле мгновенно покраснели глаза.

Инь Шицзянь опешил, гадая, что с тем стряслось, как вдруг услышал дрожащий от слёз голос:

— Мы же клялись состариться вместе, почему ты состарился раньше меня?

— ... — Он что, пьянствует тут?

Ци Ле обхватил его лицо ладонями и, глядя на Инь Юя, который постарел по меньшей мере лет на десять, переполнился горькой тоской и тяжело вздохнул.

— Инь Юй, ничего страшного. Даже если ты постарел, я всё равно тебя люблю. — С этими словами он встал на цыпочки, чтобы поцеловать Инь Шицзяня, но тут же нахмурился и возмутился: — Почему это даже после того, как ты постарел на десять лет, ты стал настолько выше?!

Инь Шицзянь лишь горько усмехнулся от такой наглости:

— Приглядиись хорошенько, кто я такой?

Ци Лэ не слушал. Словно осьминог, вцепившись в Инь Шицзяня, он бормотал себе под нос:

— Ты мой любимый Инь Юй... Даже если ты состарился и в каком-то смысле уже не справляешься, я вполне могу справиться сам.

Ближе к концу его голос стал совсем тихим, а лицо покраснело еще сильнее.

Этот сопляк и впрямь не ведал страха смерти. Инь Шицзянь уловил лишь самую последнюю мысль, а она задевала мужскую гордость и достоинство. Рука, державшая душ, слегка задрожала, и в порыве раздражения он направил струю прямо в лицо Ци Лэ.

Вода залила Ци Лэ с ног до головы, затекла в нос, вызвав неприятное жжение. Обиженно надувшись, он пробормотал:

— Ты точно не можешь, вот и взбесился, что я прав, и водой меня обливаешь.

Не успел он договорить, как лицо его перекосилось, и он выпалил:

— Только не говори, что ты еще и страдаешь преждевременным семяизданием...

Глядя на потемневшее лицо мужчины, Ци Лэ решил, что снова попал в точку, и поспешил успокоить его:

— Ничего страшного, я отведу тебя к андрологу! Моя любовь к тебе непоколебима!

Слушая этот бред, Инь Шицзянь чернел на глазах, а рука с душем задрожала еще сильнее.

Ничего не замечая, Ци Лэ прильнул к нему и полез целоваться.

Инь Шицзянь не стал его отталкивать:

— Хочешь узнать, каков в деле старый хрыч?

— Хм, — прикрыв глаза, Ци Лэ поцеловал его. — Ты точно не сможешь... Ой, больно...

Почувствовав боль на губах, Ци Лэ открыл глаза и встретился взглядом с пронзительными глазами мужчины. Сердце его гулко забилося.

Обхватив ладонями лицо партнера, он прошептал:

— Не бойся, если что, я и сам смогу справиться...

Инь Шицзянь яростно окатил его из душа ледяной водой и сквозь зубы процедил:

— Сейчас я покажу тебе, могу я или нет!

Ночь выдалась бурной.

Проснувшись, Ци Лэ чувствовал, как все тело ломит, но при этом странное, расслабляющее удовлетворение разливалось внутри. Раскинув руки и ноги звездой, он лежал на постели и растерянно хлопал глазами.

Что произошло прошлым вечером? Почему, стоило ему проснуться, его задница так нестерпимо горела?!

В памяти начали всплывать обрывки воспоминаний: он помнил, как пошел с Инь Юем в бар, а потом...

А потом он вырубился напроочь.

Осторожно выбравшись из постели, он огляделся. В комнате стояла странная тишина; на отель это было совсем не похоже — со вкусом обставленная комната излучала уют и тепло домашнего очага.

Неужели это спальня Инь Юя?

Ци Лэ невольно обрадовался, мгновенно забыв о панике из-за того, что его лишили девственности в пассивной роли.

Раз это Инь Юй, то беспокоиться не о чем, ведь они встречаются. Но неужели его отец не разозлится, что сын так открыто привел парня домой?

Ци Лэ был наслышан, что отец Инь Юя — человек строгий и ужасно страшный.

В это же время Инь Шицзянь, находившийся на другом конце города в офисе и только что закончивший совещание, чихнул. Заместитель директора тут же протянул ему салфетку и участливо произнес:

— Надвигаются холода, берегите себя, не стоит так переутомляться.

Инь Шицзянь вышел вместе с ним из переговорной:

— В ближайшее время с Инь Юем придется повозиться.

Заместитель директора произнес с железобетонной серьезностью:

— Он еще ребенок, спускать ему всё с рук нельзя.

Любить развлечения — это одно, но во всем нужно знать меру.

Инь Шицзянь кивнул, и тут в его памяти внезапно всплыл вчерашний Ци Лэ. Уголки его губ тронула едва заметная усмешка.

Заместитель директора от этой улыбки покрылся мурашками, услышав вопрос:

— Вы помните Ци Лэ?

— Ци Лэ? — заместитель нахмурился, погрузившись в раздумья. — Внебрачный сын семьи Ци?

Инь Шицзянь кивнул.

Лицо заместителя вытянулось от удивления:

— Инь Юй решил замахнуться на него?

Вот это у парня наглость!

В компании слишком много глаз и ушей, поэтому говорить о таком в открытую не стоило.

Инь Шицзянь молча поджал губы.

Заместитель директора сразу всё понял, и его лицо помрачнело.

Этот внебрачный сын семьи Ци — фигура серьезная, связываться с ним никому не позволено.

А сам этот «серьезный» Ци Лэ тем временем уже долго торчал в туалете, глядя на свое отражение в зеркале и пытаясь прийти в себя.

На него из зеркала смотрел растрепанный человек в помятой одежде, с опухшими от слез глазами. На губе красовалась небольшая ранка — стоило задеть ее языком, как по телу пробегала дрожь от боли.

Ци Лэ откинул воротник шелкового халата: от груди до бедер его тело покрывали сине-багровые пятна, а на боку отчетливо виднелись следы от зубов. Живого места не осталось.

До чего же бурной выдалась ночь... Ци Лэ только цокнул языком.

Увиденное шокировало, а ощущения в теле казались слишком реальными. Кое-какие обрывки воспоминаний начали пробиваться сквозь туман в голове, но стоило ему попытаться ухватить их, как они тут же ускользали.

Поглаживая отметины на теле, Ци Лэ покачал головой:

— Докатился. Похоже, Инь Юй задался целью привязать меня к себе на всю жизнь.

Он был геем — осознал свою ориентацию еще в средней школе и с горечью понял, что от природы является исключительно пассивным.

В гей-сообществе все знали, что активных мало, а пассивных пруд пруди. Ради личного счастья многим приходилось переступить через себя и со слезами на глазах брать на себя активную роль.

По правде говоря, с его-то данными — лицом и фигурой — Ци Лэ и сам пользовался успехом у таких же пассивных парней.

Но беда была в том, что Ци Лэ принадлежал к числу тех, кому непременно нужно, чтобы его самого имели.

По его мнению, пассив должен искать себе мощного и brutального активного парня, неужели ему было тереться о других «подружек», согревая друг друга в одиночестве?!

Шагнув в ванну, Ци Лэ блаженно выдохнул. До того, как он встретил Инь Юя, он не знал, что такое любовь. С того самого момента два года назад, когда тот лишь бросил на него лишний взгляд в толпе, он пропал окончательно и бесповоротно.

Однако Инь Юй не любил его: называл противным и натравливал на него людей.

Ци Лэ зачерпнул в ладони воды, и в голове у него, кажется, снова всплыли обрывки вчерашних воспоминаний.

От того мужчины исходил легкий запах табака, у него была крепкая фигура, глубокий, бархатистый голос, а главное — терпеливое и нежное отношение. Он так разительно отличался от того Инь Юя, которого знал Ци Лэ.

Неужели человек прошлой ночью — вовсе не Инь Юй?

Его руки вмиг ослабли и шлепнули о водную гладь, взметнув целые брызги.

Ци Лэ на мгновение растерялся, но вспомнив, что находится в доме Инь Юя, решил, что это

просто алкоголь затуманил ему память.

К тому же, они ведь сошлись потому, что Инь Юй сам признался ему в чувствах — кто знает, может, тот в конце концов и впрямь поддался его очарованию!

Хотя он и пытался так себя утешить, сердце Ци Лэ никак не могло успокоиться. Настроение принимать ванну пропало окончательно, поэтому он быстро вытерся, переоделся в свою одежду и собрался идти домой.

Его едва спустившегося вниз тут же встретила горничная:

— Доброе утро, молодой господин Ци.

Ци Лэ на мгновение замер, но тут же взял себя в руки, кивнул ей, и на душе у него немного отлегло. Экономка знала, что его фамилия Ци — об этом наверняка сказал Инь Юй. А значит, тем, с кем он спал, был именно Инь Юй, а не тот невнятный посторонний мужчина из его воспоминаний.

Как только Ци Лэ понял это, шаги его стали почти легкими.

Но радостное настроение длилось недолго: он рухнул с небес на самую дно пропасти так сильно, что едва не потерял способность держаться на ногах.

Парнишка-красавчик бросает его и делает вид, что незнаком.

Из-за того, что Ци Лэ чувствовал себя изломанным, а в месте, подвергшемся столь усердному использованию, отчаянно жгло, у него сегодня была всего одна пара, и он попросил однокурсника прикрыть его и отметить отсутствие.

Стоило ему переступить порог особняка семьи Инь, как зазвонил телефон — это был вызов от Инь Юя.

— Ты где? — голос Инь Юя звучал так же нетерпеливо, как и всегда.

Ци Лэ немного помрачнел:

— Возле твоего дома.

— Живо катись в университет!

Едва договорив, он сбросил вызов.

— ...

Ци Лэ замер с телефоном в руке, погруженный в оцепенение.

Инь Юй всегда так поступал — самонадеянно и бесцеремонно.

Спрятав телефон обратно в карман, Ци Лэ шмыгнул носом.

Кажется, он немного простудился.

Добрая на такси до университета Инь Юя, Ци Лэ остановился у ворот. Десять минут назад он отправил в WeChat сообщение о том, что прибыл, но ответа так и не дождался. Стоя у школьных ворот, Ци Ле смотрел на учеников в форме и невольно почувствовал зависть.

Он был на два года старше Инь Юя, сейчас учился на третьем курсе университета, в то время как тот находился в выпускном классе школы.

До поступления в университет Ци Ле из-за семейных обстоятельств никогда не учился в старшей школе, поэтому он так сильно зависел от чужих воспоминаний о школьной жизни.

— Апчхи!

Ци Ле чихнул несколько раз подряд. Прошло уже полчаса, а Инь Юй всё не появлялся.

Он потёр нос и посильнее запахнул пальто.

Примерно через час он наконец заметил фигуру Инь Юя.

Увидев покрасневший нос Ци Ле, Инь Юй скривился с явным отвращением:

— Деньги принёс?

— Принёс, — ответил Ци Ле и тут же спросил: — Что-то случилось?

— Тебе какая разница, чего ты языком треплешь?! — Инь Юй выхватил у него кошелёк и вытащил оттуда банковскую карту. — Какой пароль?

— Это моя... — Ци Ле хотел сказать, что это его деньги на жизнь, но Инь Юй перебил его:

— Какая разница, чья! Разве ты не мой парень? Тебе жалко потратить на меня немного денег?

— Нет, дело не в этом... — попытался объяснить Ци Ле. — Я просто переживаю за тебя. Скажи, что произошло, я могу помочь.

Разве младший господин из семьи Инь будет нуждаться в деньгах? Если такое выплывет наружу, над этим только посмеяться можно. Инь Юй просто был в скверном настроении из-за того, что накануне отец отвесил ему затрещину, и ему захотелось на ком-нибудь сорвать злость.

Тем более, что вчера ему досталось именно из-за Ци Ле.

Возложив всю ответственность на Ци Ле, Инь Юй почувствовал себя еще более правым.

— Называй пароль.

Слушая его не терпящий возражений тон, Ци Ле нахмурился. Разум подсказывал ему, что у Инь Юя нет нехватки денег, но сердце всё равно тревожилось, не случилось ли с тем чего-то серьезного. В конце концов он всё же продиктовал ему пароль.

Они вдвоем дошли до банкомата, чтобы снять деньги, и Инь Юй с барского плеча бросил Ци Ле пять сотен:

— На еду тебе хватит? — он никак не ожидал, что у Ци Ле такая внушительная сумма на карманные расходы.

Пяти сотен ему бы даже на видеоигру не хватило, мысленно проворчал Ци Ле, однако на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Бери давай! — заметив, что Ци Ле не берет деньги, Инь Юй потерял терпение и просто швырнул купюры ему в лицо. — Мерзкая ты тварь, тебе же дают деньги на еду, а ты ломаешься.

Услышав, как Инь Юй назвал его, Ци Ле резко побледнел. Затем он опустил голову, и длинные ресцы скрыли эмоции, плескавшиеся в его глазах.

<http://bllate.org/book/22315/2336606>